

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-4-86-115–125

ВЛАСТЬ РИМСКОГО ИМПЕРАТОРА И ПУБЛИЧНЫЕ ПРАЗДНЕСТВА В КОНЦЕ IV–V вв.

В.А. Конопаткин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: vladgimn93@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4579-1753

В статье рассматриваются изменения характера императорской власти в Римской империи после 395 г. н.э. В своей символической роли император должен был принимать участие в большом количестве церемониальных мероприятий, часто вызывающих скепсис христианских писателей, которые ассоциировали прежние традиции с язычеством и выступали категорически против традиционных увеселений. Однако императоры, несмотря на официальное принятие христианства и полную поддержку церкви, не только никак не ограничивали традиционные праздники, игры и цирковые представления, но и, напротив, их всячески поощряли. Пышные церемонии, шествия и публичные зрелища проводились в честь императора в его зримом или незримом присутствии, и весь энтузиазм публики изливался непосредственно на священную персону, тем самым укрепляя его легитимность.

Ключевые слова: поздняя Римская империя, репрезентация власти, римские императоры, потестарная имагология, публичные празднества

После смерти Феодосия Великого (январь 395 г.) императорами стали два его сына: старший, Аркадий, на Востоке и младший, Гонорий, на Западе. М. Мак-Эвой, С. Дифенбах, М. Икс, Б. Блэкман и другие исследователи полагают, что с этого момента императорская власть приняла гражданский и церемониальный характер¹. Если раньше августы нередко становились во главе армий, активно перемещались по стране, побеждали мятежников, узурпаторов и варваров, то теперь правители выполняли совершенно иные функции. Позднеантичные авторы Синезий, Филосторгий, Зосим, Евнапий и Сидоний Аполлинарий обвиняют императоров той эпохи в том, что они передоверили государственные дела придворным фаворитам, а сами жили в праздной роскоши и были чужды всякой политической деятельности (Syn. Regn. 13–15; Philostorg. XI. 3; Zos. V. 12. 1–2; Eun. frag. 62. 2; Sid. App. Carm. V. 354–363). Синезий даже писал, что императоры напоминали павлинов, но сидели в своих норах как ящерицы, почти не выглядывая наружу, чтобы насладиться солнечным теплом (Syn. Regn. 15. 7).

Данные об авторе: Владислав Алексеевич Конопаткин – аспирант кафедры истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова.

¹ Diefenbach 1996, 41; 2002, 21; Icks 2014, 72; Bleckmann 1997; McEvoy 2013; Pfeilschifter 2013.

На основании этих свидетельств в историографии сформировалось представление о *princeps clausus*, предполагающее затворничество императора во дворце. Исследователи связывают это явление с тем обстоятельством, что Гонорий (395–423) и Валентиниан III (425–455), получившие власть в малолетнем возрасте, находились под опекой могущественных регентов и позднее уже не могли или не хотели брать всю полноту власти в свои руки². Фактически это даже укрепляло их положение: теперь можно было свергнуть режим, не меняя номинального правителя, что выяснилось, когда положение императора осталось непоколебленным в результате падения таких влиятельных временщиков как Руфин, Евтропий, Стилихон и Аэций. В таком политическом контексте императоры становились символическими фигурами, обеспечивавшими принцип легитимного наследования и преемственности власти.

Разные аспекты символической роли августа были рассмотрены нами ранее³. В то же время следует согласиться с М. МакЭвой, полагающей, что концепция затворничества императора в его дворце, когда он практически недоступен для подавляющего большинства своих подданных, нуждается в пересмотре⁴. Исследователь считает, что несмотря на свою юность Аркадий еще при жизни отца, а также в период своего самостоятельного правления активно взаимодействовал с населением Константинополя и личным участием в публичных церемониях добивался народных симпатий⁵.

Действительно, еще С. МакКормак показала огромное значение публичных ритуалов в деле легитимации власти императора. Она отмечает, что позднеантичный панегирик был тесно связан с тем церемониалом, во время которого он декламировался, и зачастую включал содержательное описание самого торжества⁶. В этих рамках акцент на стремлении масс лицезреть своего императора означал их искреннее одобрение его политики. Императорский въезд в город вполне мог вызвать общественный экстаз, неоднократно описанный в панегириках; для нас здесь важнее то, что именно такую реакцию панегиристы считали естественной для тех, кто стал свидетелем торжественного въезда законного властителя. Ориентация на церемониал также объясняет, почему в панегириках часто уделяется так много внимания внешнему облику императора. Например, панегирик Августу Феодосию (Pan. Lat. XII. 6. 2) содержит следующие слова: «А как соответствует твоему высокому положению твой внушающий почтение облик! Как притягивает он к себе взгляды всех людей! ...Совершенно непонятно, больше ли проникает в наши умы твоя доблесть или привлекает наши взоры твоя красота!»⁷. Или: «Какими толпами изумленных людей, какой многочисленной аудиторией я буду окружен, когда скажу: «Я видел Рим, я видел Феодосия, я видел их одновременно!»⁸ (Pan. Lat. XII. 42. 5). Создателями подобного рода «пропагандистских текстов» подчеркивалось, что возможность увидеть императора представлялась редко, зато она всегда приводила публику в восторг. Авторы, и не только панегиристы, счи-

² McEvoy 2013; 2020; Smith 2007.

³ Конопаткин 2022а; 2022б; 2023.

⁴ McEvoy 2020, 184.

⁵ McEvoy 185–190.

⁶ Icks 2003, 169; MacCormack 1981, 6–8, 46–48.

⁷ Пер. И.Ю. Шабаги.

⁸ Пер. И.Ю. Шабаги.

тали, что император должен был быть доступен публике, а исчезновение его из поля зрения подданных – это свидетельство невовлеченности августа во внутренние дела империи. В то же время акцент, который многие панегиристы делали на восторженном впечатлении от встречи с императором, особенно в городах, где он обычно не проживал, свидетельствует о растущем понимании того, что такое зрелище ни в коем случае не должно было считаться обыденным или само собой разумеющимся, а являлось привилегией⁹.

Другие исследователи придерживаются сходной точки зрения относительно появления императоров на публике¹⁰. Х. Вимер так определяет роль народных аккламаций, звучавших по случаю публичных торжеств: «Главным стимулом для увеличения и расширения аккламаций во всех сферах общественной жизни, несомненно, было намерение позднеантичного императора привлечь как можно больше людей к участию в как можно большем количестве церемоний, которые вновь и вновь гарантировали ему необходимую и желанную легитимность»¹¹. В частности, постоянное присутствие императора в Константинополе привело к созданию византийского гражданского церемониала, который включал как светские, так и церковные мероприятия. Он обеспечивал единство народа и императора, а также укреплял лояльность подданных по отношению к властителю¹². По выражению К. Келли, Константинополь был парадным городом¹³. В субботние, воскресные и праздничные дни в нем проводились литургические процессии, в ходе которых использовались серебряные кресты, освященные свечи, пелись псалмы. Наиболее запоминающимися были пышные церемонии, посвященные прибытию святых реликвий. А присутствие императоров, иногда вместе с другими членами императорской семьи, преображало эти события, придавая им еще большую значимость¹⁴.

Римская империя в IV–V вв. по-прежнему включала обширные территории, тогда как император, разумеется, не мог ни регулярно присутствовать, ни хотя бы раз за время своего правления посетить наиболее значимые города своей державы лично, чтобы принять участие в публичных мероприятиях: у многих властителей на это не доставало ни времени, ни желания, ни сил. Тем не менее, легитимность императорской власти поддерживалась по всей империи. Это обеспечивалось путем создания «вечного присутствия» августа, как назвала данный феномен С. МакКормак¹⁵. Тема «вечного присутствия» августа уже рассматривалась нами на примере монументальной пропаганды (имеется в виду повсеместное возведение императорских статуй) и публичного оглашения законодательных актов¹⁶. Сходную роль выполняли и публичные торжества, проводимые либо в честь самого августа, либо в связи с какими-то значимыми событиями в его жизни. Именно эти торжества окажутся в фокусе внимания в настоящей статье. К сожалению, источники, так или иначе проливающие свет на события повседневной

⁹ Icks 2003, 177.

¹⁰ Van Nuffelen 2012, 184.

¹¹ Wiemer 2004, 60. Пер. наш – В.К.

¹² Van Nuffelen 2012, 185; Diefenbach 1996, 63–64; Wiemer 2004, 63; Croke 2010, 251, 260.

¹³ Kelly 2013, 42.

¹⁴ MacCormack 1981, 6–8, 46–48.

¹⁵ MacCormack 1981, 43.

¹⁶ Конопаткин 2022а.

жизни в малых городах империи, крайне малочисленны, поэтому мы располагаем сведениями в основном лишь о тех празднествах, которые проводились в столицах – Риме и Константинополе (Новом Риме). Впрочем, надо думать, традиции организации подобных празднеств в крупных и малых городах отличались только по масштабам, но не по сути.

Тема праздников в Римской империи довольно полно представлена в историографии¹⁷. Празднества оказывались важными элементами полисной идеологии, и участие в них определяло гражданский статус участника¹⁸. Кратко охарактеризуем их. Праздники назывались *feriae* или *dies feriales*. Традиционно они были приурочены к каким-либо священным дням, которые принадлежали богам, а потому в эти дни нельзя было заниматься коммерческой или судебной деятельностью. Во время праздников проводились различные ритуалы, процессии, жертвоприношения, пиры и, конечно же, игры, гладиаторские бои, театральные представления. Какие же изменения произошли в поздней античности? Самое очевидное – это появление христианства, которое препятствовало проведению празднеств в честь языческих божеств, а такие обязательные компоненты языческого культа как молитвы в храме и совершение жертвоприношений теперь и вовсе было невозможно¹⁹. В IV–V вв. христианские праздники стали *feriae publicae* (такие как воскресенье, Пасха, Пятидесятница, Рождество, Богоявление) (*Cod. Theod.* 2. 8. 1; 2. 8. 18); одновременно с этим языческие *feriae* становились обычными рабочими днями (*Cod. Theod.* 2. 8. 22). Более того, в дни христианских праздников были запрещены популярные в народе зрелища (гладиаторские бои, ристания колесниц), равно как и по воскресеньям, за некоторыми исключениями, см. ниже (PG LIV, с. 660; *Cod. Theod.* 2. 8. 20; 15. 5. 5). Тем не менее, *ludi* и *circenses* активно проводились при императорской поддержке, но только при условии отсутствия «каких-либо жертвоприношений или проклятых суеверий» (*Cod. Theod.* 16. 10. 17; 15. 5. 3; 2. 8. 23; 24). Запретить же языческие празднества оказалось невозможно, религиозные коннотации, возможно, и исчезли, но традиции празднования либо сохранялись, либо перенимались в новой христианской оболочке²⁰. Например, многие элементы *Isidis navigii* вошли в репертуар средневекового карнавала, то же самое произошло с сатурналиями²¹. Кроме того, запрет языческих коннотаций в празднованиях и осуждение их христианами авторами вовсе не означает, что плебс не видел в своем участии некоего сакрального подтекста.

Существуют два исключительно значимых и ценных источника, сообщающие о том, какие праздники и в честь какого события проводились. Один источник происходит из Рима (354 г.) – т.н. Календарь Филокала²², другой из Лугдуна (449 г.) – календарь за авторством Полемия Сильвия²³. Их изучение интересно потому, что они были созданы христианами, следовательно, можно быть твердо уверенным в их ангажированности, когда речь заходит о составлении распорядка года. Однако в обоих календарях наряду с христианскими праздниками упоминаются и

¹⁷ Scullard 1981; Маринович 1998; Rüpke 1998; Mommsen 1859; Graf 2015; Kahlos 2020.

¹⁸ Маринович 1998.

¹⁹ Schiavo 2022, 315.

²⁰ Schiavo 2022, 316.

²¹ Salzman 1990, 240; Alfoldi 1937, 46.

²² Salzman 1990; Burgess 2012, 345–396.

²³ Paniagua 2012; Chastagnol 1955, 173–188.

языческие, причем в более позднем календаре их на порядок меньше²⁴. Помимо самого наименования праздника, в календарях отмечались и дни проведения *ludum* и *circensium*, которые сами по себе не являлись *dies feriae*. Нас же в данной статье интересует не религиозная жизнь позднеантичного общества, а порядок почитания императоров. Праздники и церемонии, связанные с императором и его семьей, являются наиболее частыми и важными из всех, значительное количество *ludi* и *circenses* проводились именно в их контексте²⁵. Такими значимыми днями были дни рождения самого императора или кого-то из членов его семьи, годовщина восшествия на престол, *adventus*, громкие победы. Более того, как указывалось выше, в воскресенье, а также в дни христианских праздников запрещалось проводить какие-либо увеселительные мероприятия, однако знаменательные даты жизни августов оказывались исключениями (*Cod. Theod.* 2. 8. 20). Императоры в целом проявляли немалую заботу о том, чтобы увеселения проводились либо в их честь, либо по какому-либо другому поводу: «Точно так же, как мы уже отменили светские обряды спасительным законом, мы не позволяем отменять праздничные собрания граждан и общее удовольствие для всех. Следовательно, мы постановляем, что, согласно древнему обычаю, людям должны быть предоставлены развлечения, но без каких-либо жертвоприношений или каких-либо проклятых суеверий, и им должно быть разрешено посещать праздничные банкеты, когда того потребует общественная воля»²⁶ (*Cod. Theod.* 16. 10. 17).

Из других источников известно, что отмечались дни выдающихся свершений, например, на Западе по случаю свержения Приска Аттала (*Prosp. Chron.* 1263), на Востоке после победы над Гайной – в честь этого события позднее была возведена колонна Аркадия, открытие которой тоже сопровождалось торжеством²⁷. С помпой проводились свадьбы императора и его детей: например, свадьбы Серены и Стилихона в Константинополе (*Claud. III cos. Hon.* 155–56), Гонория и Марии в Милане (*Claud. Epith.* 295–300), Аркадия и Евдоксии в Константинополе (*Chron. Pasch.* 395). Крещение членов императорской семьи также становилось торжественным мероприятием (*Socr.* 6. 11). Прибытие священных реликвий сопровождалось торжествами, обычными для адвента, причем император ставил подобное событие себе в заслугу и принимал участие в процессии, только уже в религиозном ключе (*PG* 63:468–472; *PG* 63:473–478). О многих праздниках, которые устраивались в честь императора или были с ним так или иначе связаны, сообщает Константин Багрянородный: праздничными он называет дни восшествия на престол, рождения наследника, день рождения императора, а также много внимания уделяет народным увеселениям (*Const. Porph. De ceremoniis.* I. 47, 48, 52, 69, 70, 77, 78, 79, 82).

Разумеется, светские и религиозные праздники отмечались по-разному; нас интересуют первые. Сократ сообщает, что по случаю свадеб высокопоставленных лиц, близких ко двору, народ плясал и украшал себя венками (*Socr.* V. 3. 4.), об этом упоминает и Зосим (*Zos.* 5. 3. 4). Когда женился Стилихон, его сопровождали солдаты в белых плащах, увенчанные лавром и миртом, бросали в толпу

²⁴ Salzman 1990, 244.

²⁵ Salzman 1990, 131.

²⁶ Пер. наш. – В.К.

²⁷ Bauer 1996, 203–212.

пурпурные цветы и пели о достижениях своего полководца и его удаче²⁸. В целом же большинство праздничных шествий включали в себя три повторяющихся пространственных элемента: торжественно украшенные улицы и площади (1), возведенные по случаю развлекательные здания типа павильонов или декораций (2) и храмы (3). Из источников становится ясно, что со второй половины IV в. праздничные процессии проходили по форуму/агоре и украшенным портиками с колоннами улицам городов²⁹. Театры, скорее всего, обычно являлись конечной точкой таких процессий. Так было в городах Африки (August. Serm. 198. 2 (PL 38. 1025)) и в Антиохии (Joan. Chrys. Hom. Matt. 7. 6). С учетом проведения подобных праздничных шествий в период поздней античности во многих городах империи рядом с публичными зданиями сооружались портики, своим фасадом выходившие на улицы, по которым обычно двигались процессии³⁰. Это мы наблюдаем на примере Трира, Милана, Рима, Константинополя и других крупных городов³¹.

Любопытно, что о деталях торжеств зачастую сообщают христианские авторы, которые эти торжества не только не одобряли, но даже обращались к своим единоверцам с их осуждением, как, например, Тертуллиан в трактате «О зрелищах» (Tertul. Spect. 3-30). Так, Августин в 198-й проповеди упоминает мимов, пантомимы, гонки на колесницах, травлю зверей, театры (August. Serm. 198.2 (PL 38.1025)). Все это, по мнению Августина, отравляет душу, однако же люди счастливы участвовать в увеселениях. Августин не был одинок в своем мнении, аналогичным образом высказывался и Иоанн Златоуст. Он вспоминал, как многие из его паствы отправились на скачки вместо церкви и «наполнили весь город воплями и беспорядочными восклицаниями» (Chrys. Contra Ludos. 263). Иоанн слышал это из своего дома, и ему было стыдно за своих прихожан, которые посещали эти игры и стали «пленниками дьявола» по вине зрелищ (Chrys. Contra Ludos. 263–264). Спустя сто лет Севир Антиохийский говорит о том, что нет никакого оправдания тем, кто идет на скачки, но даже если они не пойдут туда, он знает, что паства любит зрелища и стремится к ним «в эти святые дни поста»³² (Sev. Ant. Hom. 18. 27), ведь там раздаются звуки флейты, цимбал и сатанинские песни (Sev. Ant. Hom. 18. 28). В одном из своих гимнов Севир утверждает, что «ужас охватит тех, кто смотрит зрелище, а его самого – великий страх [за] тех, кто слушает этот постыдный шум» (Sev. Ant. Hymn. 269). Далее он предупреждает своих читателей, что, посещая эти зрелища, они будут «внутренне наполнены образами безнравственности и развратной распущенности» (loc. cit.). В конце Севир умоляет Бога помочь ему спасти его паству от этих безнравственных поступков, чтобы братья-христиане могли должным образом поклоняться Творцу (loc. cit.).

Светские писатели, как ни странно, тоже не особо жаловали различные увеселения, поскольку эти последние свидетельствовали о разврате и распущенности племени. Например, Аммиан Марцеллин был зол на людей за то, что они были преданы удовольствиям и роскоши, а Прокопий Кесарийский критиковал за то же самое императорскую чету (Юстиниана и Феодору), потакавшую бесчинствам

²⁸ Lavan 2021, 166–167.

²⁹ Lavan 2021, 166–167.

³⁰ Конопаткин 2022б.

³¹ Dey 2014.

³² Здесь и далее в нашем пер. – В.К.

цирковых партий (Procop. Hist. Secr. VII. 17, 20–22). Аммиан высмеивал жителей Рима за их преданность «цветным» фракциям и веру в то, что государство рухнет, если фракция, которую они поддерживают, проиграет состязание (Amm. Marc. XXVIII. 4. 29). Далее он пишет, что «их храм, их жилище, их собрание и вершина всех их надежд – это Circus Maximus» (loc. cit.). Аммиан отмечает, что эта преданность конкретной фракции перетекла в их повседневную жизнь, где они вступали в конфронтацию с представителями других фракций, каждая из которых была уверена в том, что, если их фракция проиграет, безопасность империи окажется под угрозой (Amm. Marc. XXVIII. 4. 30).

Императоры старались угодить разным слоям населения, поэтому еще в 325 г. римское законодательство запретило участие преступников в гладиаторских боях, тем не менее сами бои продолжались до середины IV в. на Востоке и были окончательно запрещены Гонорием в 404 г. на Западе³³. Только в конце V в. гладиаторские игры и травли зверей (venationes) были, наконец, полностью отменены, хотя на Востоке они de facto прекратились еще в конце IV в., хотя попытки прекратить их предпринимались еще в 325 г. (Cod. Theod. XV. 12. 1). Карфагенский собор в 401 г. настаивал на том, чтоб императоры запретили публичные угощения. Собор указал, что язычники заставляли христиан там присутствовать, и это якобы напоминало возврат гонений (CCSL 149, 196–197). Впрочем, императоры ничего не стали запрещать, а, напротив, всячески поощряли публичные увеселения.

Даже такой благочестивый император³⁴ как Феодосий II Малый вовсе не игнорировал зрелища. Сократ Схоластик упоминает два случая на ипподроме. В одном Феодосий после получения вести о гибели западного узурпатора Иоанна призвал народ забыть о зрелище и пойти в храм «возносить благодарственные молитвы Богу, чья рука низвергла тирана» (Soc. VII. 23. 11–13). В другом – август перед лицом непогоды призвал публику молиться (Soc. VII. 22. 16). По свидетельству церковного историка, после слов императора все люди якобы в едином порыве отправились воздавать хвалу Богу. Тот факт, что оба эти случая застигли императора на ипподроме, может иметь два объяснения. С одной стороны, Сократ Схоластик таким образом противопоставляет молитву и увеселения. С другой – именно на ипподроме август мог максимально эффективно взаимодействовать с многочисленной аудиторией, кроме того, здесь он находился в центре общего внимания. Недаром в Константинополе императорский дворец прямо прилегал к ипподрому, так что из внутренних покоев август мог пройти прямо в императорскую ложу, чтобы быть на виду у всех присутствующих³⁵. Кроме того, традиционно на ипподроме или в амфитеатре император удостоивался аккламаций³⁶.

Впрочем, есть все основания считать, что эти императорские проповеди либо были приукрашены автором, либо не были встречены публикой с таким единодушным энтузиазмом. По свидетельству того же Сократа Схоластика, однажды в константинопольском амфитеатре была устроена травля зверей, и народ стал кричать, чтобы с диким животным сразился кто-нибудь из отважных смельчаков. «А вы не знаете разве, — отвечал народу император, — что мы привыкли смотреть

³³ Köhne et al. 2000, 30.

³⁴ Kelly 2013, 219–284.

³⁵ Smith 2007, 189.

³⁶ Kelly 2001, 188.

на зрелища человеколюбиво? Сказав это, [он] научил народ впоследствии довольствоваться такими зрелищами, в которых нет ничего бесчеловечного»³⁷ (Soc. VII. 22. 6–12). А префект города Кир из Панополиса в 439–441 гг., наоборот, всячески обустроивал амфитеатры, ипподромы и оплачивал зрелища. За это он получал от народа одобрение, которое публично высказывалось, из-за чего в глазах людей он представлял едва ли не вторым Константином (Mal. 361–2; Chron. Pasch. 450). Т.е. организаторы игр пользовались в народе гораздо большей популярностью, нежели проповедники.

Эпизод с Киром свидетельствует также о том, что обязанность финансировать зрелища ложилась на местные власти. С одной стороны, можно было опасаться, что популярность, которую принесут организатору успешные игры, повредит авторитету императора, с другой – устройство игр было делом чрезвычайно дорогим, что вело к разорению местных элит, на что в VI в. жалуется Иоанн Лид: по его словам, он «изобильное богатство от себя источает гражданам наподобие снежных хлопьев»³⁸ (Joan. Lyd. De Mag. 2. 8). О том же свидетельствует историк начала V в. и современник рассматриваемых событий Олимпиодор. Он сообщает, что суммы, потраченные сенаторами разного достатка на игры в Риме в конце IV в., варьировались от 1200 фунтов золота до 4000 – цифры, близкие к годовым доходам этих людей (Olymp. 41. 2)³⁹. Т.е. зрелища устраивались за счет местных элит, но во славу императора и от его имени, тем более что в конце IV–V вв. на все должности люди назначались по воле императора. Следовательно, аристократия использовала организацию торжеств и зрелищ в своих интересах, пытаясь выслужиться перед императором, заслужив его похвалу.

Присутствие императора на ипподроме во время ристаний колесниц или же на любых других зрелищах существенно сказывалось на его популярности в массах⁴⁰. Как отмечал П. Вейн, «победа одной из группировок колесничих в цирке была хорошей возможностью отпраздновать в символическом ритуале вечную победу монарха и превратить цирковые церемонии в своего рода триумф»⁴¹. Удовольствие, которое население получало от зрелищ, отвечало стремлению императора к популярности в массах; именно ему доставалась вся слава, поскольку в стандартную формулу восхвалений, звучавших во время зрелищ, включалось пожелание августу долголетия и благополучного правления⁴². Попытки императоров ублажить зрелищами плебс и одновременно не раздражать христианских иерархов продолжались на протяжении всего периода поздней античности; императоры нуждались в поддержке плебса, чтобы оставаться у власти, и, следовательно, не могли пойти на слишком большие уступки церкви и отказаться от организации зрелищ, которых желало население. Люди нуждались в играх, чтобы во время игр свободно доводить свое мнение до сведения императора; последний тоже нуждался в зрелищах, чтобы демонстрировать подданным свою власть

³⁷ Пер. И.В. Кривушина.

³⁸ Пер. М.М. Сеницы.

³⁹ Об этом также: Jones 1964/II, 537–542.

⁴⁰ См об этом: Cameron 1993; MacCormack 1981.

⁴¹ Veyne 1992, 400.

⁴² Veyne 1992, 400.

и великодушные либо посредством личного присутствия, либо через иконографию, отраженную в памятниках на территории ипподрома⁴³.

Таким образом, императорам V в. было крайне важно сохранять традицию организации зрелищ. Обеспечивая увеселения, устраивая раздачи населению и украшая столицу, август представал в глазах своих подданных в роли заботливого отца и благодетеля. Периодическое празднование годовщин подчеркивало сакральную природу императорской власти, ведь помимо торжеств в честь императоров важными календарными датами являлись христианские праздники, равно как и небольшое число традиционных, языческих празднеств (эти последние не требовали особо значительных затрат от казны). Только во время торжеств, игр или процессий в столице императоры могли напрямую взаимодействовать с подданными, вступая с ними в некую сакрализованную связь (как Христос с апостолами). В отсутствие императора празднества все равно проводились в атмосфере незримого присутствия августа – благодаря повсеместному размещению императорских статуй, а также тесной идеологической и религиозной связи самих торжеств с императором или его семьей.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Alfoldi, A. 1937: *Isis-szertartások Rómában a negyedik század keresztény császárai alatt*. Budapest.
- Bauer, F. A. 2001: Urban Space and Ritual: Constantinople in Late Antiquity. *Acta ad archaeologiam et historiam artium pertinentia* 15, 27–61.
- Bauer, F.A. 1996: *Platz und Denkmal in der Spätantike*. Mainz.
- Bleckmann B. 1997: Honorius und das Ende der römischen Herrschaft in Westeuropa. *Historische Zeitschrift* 265, 561–595.
- Burgess, R.W. 2012: The Chronograph of 354: its Manuscripts, Contents, and History. *Journal of Late antiquity* 5, 345–396.
- Cameron, A. 1993: *Circus Factions: Blues and Greens at Rome and Byzantium*. Oxford.
- Chastagnol, A. 1955: Notes chronologiques sur l’Histoire Auguste et le Laterculus de Polemius Silvius. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 4, 2–3, 173–188.
- Croke, B. 2010: Reinventing Constantinople: Theodosius I’s imprint on the imperial city. In: S. McGill, C. Sogno, E. Watts (eds.), *From the Tetrarchs to the Theodosians. Later Roman History and Culture, 284–450 CE*. Cambridge, 241–264.
- Dey, H. 2014: *The Afterlife of the Roman City. Architecture and Ceremony in Late Antiquity and the Early Middle Ages*. New York.
- Diefenbach, S. 1996: Frömmigkeit und Kaiserakzeptanz im frühen Byzanz. *Saeculum* 47, 1, 35–66.
- Diefenbach, S. 2002: Zwischen Liturgie und civilitas. Konstantinopel im 5. Jahrhundert und die Etablierung eines städtischen Kaisertums. In: R. Warland (ed.), *Bildlichkeit und Bildorte von Liturgie*. Wiesbaden, 21–49.
- Graf, F. 2016: *Roman Festivals in the Greek East*. Cambridge.
- Humphrey, J.H. 1986: *Roman Circuses: Arenas for Chariot Racing*. Berkeley.
- Icks, M 2020: Keeping up Appearances Evaluations of Imperial (In)Visibility in Late Antiquity. In: E. Manders, D. Slootjes (eds.), *Leadership, Ideology and Crowds in the Roman Empire of the Fourth Century AD*. Wiesbaden, 163–180.

⁴³ Bauer 1996, 2001; Humphrey 1986; Safran 1993.

- Icks, M. 2014: The inadequate heirs of Theodosius: Ancestry, Merit and Divine Blessing in the Representation of Arcadius and Honorius. *Millenium* 11, 69–99.
- Jones, A.H.M. 1964: *The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic, and Administrative Survey*. 2 vols. Oxford.
- Kahlos, M. 2020: *Religious Dissent in Late Antiquity*. Oxford.
- Kahlos, R.T.M. 2016: The Emperor's New Images: How to Honour the Emperor in the Christian Empire In: M. Kahlos (ed.), *Emperors and the Divine: Rome and its Influence*. Helsinki, 119–138.
- Kelly, C. 2001: Empire building In: G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar (eds.), *Interpreting late antiquity*. Belknap, 170–195.
- Kelly, C. 2013: *Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity*. Cambridge.
- Köhne, E., Ewigleben, C., Jackson, R. 2000: *Gladiators and Caesars: The Power of Spectacle in Ancient Rome*. Berkeley.
- Konopatkin, V.A. 2022a: Zakonodatel'stvo kak sredstvo publichnoy kommunikatsii v Pozdney Rimskoy Imperii v IV veke [Legislation as a Means of Public Communication in the Late Roman Empire in the 4th Century]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: Problem Field of Media Studies] 4 (46), 115–122.
- Конопаткин, В.А. 2022а: Законодательство как средство публичной коммуникации в Поздней Римской империи. *Знак: проблемное поле медиаобразования* 4 (46), 115–122.
- Konopatkin, V.A. 2022b: Pozdneantichnyy gorod kak prostranstvo reprezentatsii rimskoy imperatorskoy vlasti v IV–V vv. [The Late Antique City as a Space of Representation of Roman Imperial Power in the Fourth and Fifth Centuries AD]. *MNEMON. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [MNEMON. Studies and Publications on the History of the Ancient World] 22/1–2, 170–188.
- Конопаткин, В.А. 2022б: Позднеантичный город как пространство репрезентации римской императорской власти в IV–V вв. *Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира* 22/1–2, 170–188.
- Konopatkin, V.A. 2023: Imagines Augusti: k voprosu o roli imperatorskikh izobrazheniy v gorodakh Pozdney rimskoy imperii [Imagines augusti: on the Role of Imperial Images in Cities of the Late Roman Empire]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 116–123.
- Конопаткин, В.А. 2023: Imagines Augusti: к вопросу о роли императорских изображений в городах Поздней римской империи. *ПИФК* 4, 116–123.
- Lavan, L. 2021: *Public Space in the Late Antique City*. 2 vols. Leiden.
- MacCormack, S. 1981: *Art and Ceremony in Late Antiquity*. Berkeley.
- Marinovich, L.P. 1998: Grazhdanin na prazdnike Velikikh Dionisiy i polisnaya ideologiya [The Citizen at the Feast of the Great Dionysius and Polis Ideology]. In: L.P. Marinovich (ed.), *Chelovek i obshchestvo v antichnom mire* [Man and Society in the Ancient World]. Moscow, 295–362.
- Маринович, Л.П. 1998: Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология. В кн.: Л.П. Маринович (ред.), *Человек и общество в античном мире*. М., 295–362.
- McEvoy, M. 2013: *Child Emperor Rule in the Late Roman West, AD 367–455*. Oxford.
- McEvoy, M. 2020: An Imperial Jellyfish? The Emperor Arcadius and Imperial Leadership in the Late Fourth Century AD. In: E. Manders, D. Slootjes (eds.), *Leadership, Ideology and Crowds in the Roman Empire of the Fourth Century AD*. Wiesbaden, 181–185.
- Paniagua, D. 2012: Intorno alla lettera prefatoria e all'introduzione del 'Laterculus' di Polemio Silvio. In: L. Cristante, T. Mazzoli (eds.), *Il calamo della memoria V. Riuso di testi e mestiere letterario nella tarda antichità*. Trieste, 155–174.
- Pfeilschifter, R. 2013: *Der Kaiser und Konstantinopel. Kommunikation und Konfliktaustrag in einer spätantiken Metropole*. Berlin.

- Rüpke, J. 1998: Fasti. In: *Der Neue Pauly* 4. Metzler–Stuttgart, 434–439.
- Safran, L. 1993: Points of View: The Theodosian Obelisk in Context. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 34, 409–435.
- Salzman, M. R. 1990: *On Roman Time: The Codex-Calendar of 354 and the Rhythms of Urban Life in Late Antiquity*. Berkeley.
- Schiavo, S. 2022: Christian Feasts and Administration of Roman Justice in Late Antiquity. In: D.C. Flatto and B. Porat (eds.), *Law as Religion, Religion as Law*. Cambridge, 314–340.
- Scullard, H.H. 1981: *Festivals and Ceremonies of the Roman Republic*. London.
- Smith, R. 2007: The Imperial Court of the Late Roman Empire, c. AD 300 – c. AD 450. In: A.J.S. Spawforth (ed.), *The Court and Court Society in Ancient Monarchies*. Cambridge, 157–232.
- Van Nuffelen, P. 2012: Playing the Ritual Game in Constantinople under the Theodosian Dynasty. In L. Grig, G. Kelly (eds.), *Two Romes: from Rome to Constantinople*. Oxford, 183–200.
- Veyne, P. 1992: *Bread and Circuses: Historical Sociology and Political Pluralism*. London.
- Wiemer, H.-U. 2004: Akklamationen im spätrömischen Reich. Zur Typologie und Funktion eines Kommunikationsrituals. *Archiv für Kulturgeschichte* 86, 27–74.

ROMAN EMPEROR'S POWER AND PUBLIC FESTIVITIES IN THE LATE FOURTH AND FIFTH CENTURIES

Vladislav A. Konopatkin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: vladgimn93@gmail.com

The paper discusses the changes in the nature of imperial power in the Roman Empire after AD 395. In his symbolic role, the emperor had to take part in a large number of ceremonial events, which often aroused skepticism among Christian writers, who associated previous traditions with paganism and were categorically against traditional entertainment. However, the emperors, despite the official adoption of Christianity and the full support of the church, not only did not limit traditional holidays, games and circus performances, but, on the contrary, encouraged them in every possible way. Pompous ceremonies, processions and public spectacles were held in honor of the emperor in his visible or invisible presence, and all the enthusiasm of the public poured out directly on the sacred person, thereby strengthening his legitimacy.

Keywords: Late Roman Empire, representation of power, Roman emperors, potestary imagery, public celebrations
